Глава 20. Перец чили (часть 2)

—

Запах свинины ничем не приглушили, корочка шэнцзяня вышла слишком грубой — с первого укуса стало ясно, что муку взяли самую дешевую. В мясной начинке не было ни капли сочного бульона, зато туда подмешали капусту. И ладно бы покрошили нежные, сочные, молодые листья, так ведь нет — пустили в дело жесткие и старые.

Жарили эти шэнцзяни на соевом масле, которое, судя по вкусу, было отжато явно не в этом году: в нем отчетливо угадывался тот самый специфический прогорклый душок, какой бывает у залежалого масла.

Сказать, что это было совсем несъедобно, — пожалуй, нельзя, но и вкусным назвать такое язык бы не повернулся.

— Ну, теперь я вижу, что зря переживал. Я-то боялся, как бы их шэнцзяни не испортили доброе имя вашим. Но вы только поглядите, какие они крошечные! Да тут и половины от вашего не наберется, — Гуань Хунчи кашлянул пару раз, пытаясь избавиться от неприятного послевкусия.

Сам он хоть и не отличался привередливостью в еде, но, будучи мастером по приготовлению лапши, в тесте и начинках толк знал и на эту стряпню смотрел с глубоким пренебрежением.

— Да брось ты, брат Гуань, не такие уж они и маленькие. Кстати, от этой сухомятки, небось, совсем в горле пересохло? Давай-ка я налью тебе чашу нашего фруктового напитка, — с этими словами Гу Танцзинь поднялся с места, налил соседу полный черпак прохладного напитка, а следом завернул в сочный лотосовый лист шесть свежих шэнцзяней из их собственной печи.

— И даже не думай отказываться! Мы тут заперлись в четырех стенах, и если бы ты не прибежал, так и сидели бы в полном неведении, — поспешил вставить Цзи Жунся, заметив, что лавочник собирается вежливо замахать руками.

Услышав это, Гуань Хунчи не стал больше церемониться и открыто принял угощение:

— Что ж, тогда не буду с вами скромничать. Забираю шэнцзяни, а в следующий раз непременно заглядывайте ко мне — угощу вас своей фирменной лапшой с куриной соломкой.

В его лапшичной тоже вовсю пора было открывать двери. И хотя младшие брат с сестрой у Гуань Хунчи были ребятами работящими и смышлеными, без его присмотра и твердой руки на кухне все равно было не обойтись. Так что задерживаться он не стал и споро зашагал прочь.

Цзи Жунся тем временем привычными, ловкими движениями принялся выкладывать на сковороду вторую партию шэнцзяней. Слегка замявшись, он нерешительно произнес:

— Танцзинь, хоть шэнцзяни у них и вышли никудышными, но цена-то совсем низкая. Боюсь, люди все равно польстятся и станут брать у них. Может, и нам стоит немного сбавить цену, чтобы не терять покупателей?

Гу Танцзинь мягко улыбнулся:

— Ся-гэр, мы ведь берем отборное, хорошее мясо и муку высшего качества. Наши шэнцзяни стоят ровно столько, сколько должны стоить. Боюсь, в будущем такие умельцы объявятся еще

не раз, и если мы каждый раз станем оглядываться на них и сбивать цену, этому просто конца-краю не будет.

Поразмыслив, Цзи Жунся вынужден был согласиться с доводами мужа и выбросил лишние тревоги из головы.

По случаю дождливой погоды они поставили длинный прилавок-стол у самого входа в ресторан. Теперь покупатели, приходившие за утренней едой, могли спокойно стоять под широким навесом крыши, совершенно не боясь промокнуть.

***

— Мама, а это дело точно выгорит? Мы сегодня столько добра перевели, сколько масла соевого ушло, сколько мяса! Если не распродадим, это ж чистый убыток выйдет, — Лян Дафэн с явным замиранием сердца подсчитывал в уме траты на дорогое масло.

В мутных глазах старухи Лян промелькнул лисий, хищный огонек. Она ткнула сухим, костлявым пальцем в сторону их свежевыпеченных шэнцзяней:

— Глупый ты, ничего-то в торговле не смыслишь! Тот глухой гэр торгует этими шэнцзянями уже добрую декаду. Народу мимо ходит уйма, и каждый второй облизывается, попробовать хочет. Да только три вэня за штуку — цена кусачая, не всякому по карману! А у нас — всего один вэнь, а вкус ничуть не хуже. К тому же место у нашей лавки самое лучшее, у всех на виду. Зазывай народ погромче — мигом все сметут!

Лян Дафэн тут же угодливо расплылся в улыбке:

— И то правда! Какая же ты умная. Пускай эти двое спины гнули да товар нахваливали, зато славу их мы себе в карман положим!

Старуха Лян самодовольно выпятила грудь:

— Это уж точно!

Этот глухой сопляк за всю свою жизнь риса съел меньше, чем она соли! Сама судьба велела их семье Лян прибрать эти денежки к рукам!!!

— Этот Гуань Далан* только что приходил, купил три штуки. Наверное, он пошел сообщить об этом калеке. Смотри-ка, как они теперь спелись! Раньше этот Гуань что-то не был к ним так внимателен, — проворчал Лян Эрфэн, вынося из лавки свежую корзину с дымящимися маньтоу, и сердито сплюнул под ноги.

[*Далан (□□, Dàláng) — дословно «Да» (□, Dà) — большой, старший, «лан» (□, láng) — молодой человек/сын. Это стандартное обращение к первому по старшинству сыну в семье в древнем Китае, буквально «старший сын».]

— Да пускай бежит, нам-то что? Мы до этого сами додумались и сами приготовили. С чего бы ему ко мне с бранью соваться? — старуха Лян высокомерно вздернула брови, ничуть не испугавшись. Видали они таких! Ишь, выискался любопытный! Родить-то его родили, да уму-разуму научить забыли!

Старуха Лян пошире распахнула беззубый рот и затянула на весь переулок:

— Кому шэнцзяни по одному вэню за штуку?! Горячие, ароматные, дешевле не найдете!

— И правда по одному вэню? — Чай фулан, едва свернув в переулок, услышал крик торговца и невольно притормозил.

Его семья жила неподалеку от переулка Уцюй, и он уже бог знает сколько времени мечтал купить парочку шэнцзяней на пробу. Да только пять вэней за два штуки — для его кошелька это было слишком большим разорением, так что он каждый раз сжимал зубы и проходил мимо. Максимум, что он мог себе позволить, — взять пару черпаков фруктового напитка, чтобы хоть как-то побаловать и порадовать ребятишек дома.

— Истинно так, почтенный, ровно один вэнь! Внутри — сочная свинина, очень ароматные! — сладко запела старуха Лян.

Раз уж внутри есть настоящее мясо, рассудил Чай фулан, то даже если приготовлено средненько, совсем уж гадостью оно быть не может. Он решительно кивнул:

— Ну, тогда давай мне три штуки.

— Сейчас, сейчас, все в лучшем виде сделаем! — старуха Лян живо обернула три крошечных «шэнцзяня» в чистый лист и протянула покупателю.

Чай фулан воровато огляделся по сторонам, бережно припрятал сверток на самое дно своей плетеной корзины, отсчитал три монеты и, не задерживаясь, зашагал дальше, вглубь переулка Уцюй.

Фруктовый-то напиток на том лотке был на редкость хорош и дешев, так что за ним он все равно собирался заглянуть.

У лотка Гу Танцзиня и Цзи Жунся тем временем вовсю кипела торговля. Первой покупательницей в этот дождливый день оказалась Дяо Цююнь. Она приветливо улыбнулась:

— Мне, пожалуйста, восемь шэнцзяней, и плесните к ним самую малость уксуса. А еще — четыре черпака фруктового напитка.

С этими словами она протянула им старую, покрытую аккуратными латками фарфоровую миску. От такого заказа Гу Танцзинь и Цзи Жунся на мгновение опешили, решив, что им послышалось.

Лю Далан, который как раз подошел к прилавку, тоже вытаращил глаза от удивления:

— Цююнь, ого ты сегодня размахнулась! С чего бы это?

Когда семья Дяо перестала быть скупой?

— Стой-ка… Неужто твой старший брат со дня на день возвращается? — осенило вдруг Лю Далана, и лицо его расплылась в радостной улыбке.

В представлении Лю Далана, среди всей молодежи их переулка самыми толковыми и уважаемыми были двое: Гу Танцзинь и Дяо Далан.

С Гу Танцзинем и так все было ясно — парень с малых лет прилежно учился, с блеском сдал уездные экзамены и заслужил почетное звание сюцая, став настоящим ученым мужем.

А Дяо Далан был парнем тертым и опытным: мотался по дорогам из края в край со своей тележкой и из каждой поездки привозил кучу диковинных и редких товаров. К тому же он был единственным человеком во всей семье Дяо, который не трясся над каждой монетой. Своим соседям по переулку он всегда уступал товар с хорошей скидкой, так что его возвращения с нетерпением ждала не только родная сестра Цююнь, но и добрая половина улицы. Можно сказать, что уважение к дому семьи Дяо в переулке Уцюй держалось исключительно на добром имени их старшего сына.

— Да ну что ты… Просто я каждое утро хожу мимо лавки, запахи так и манят, а попробовать все никак не удавалось. Вот родители и пожалели меня, — застенчиво улыбнулась девушка.

Лю Далан недоверчиво хмыкнул, но развивать тему не стал.

Цзи Жунся споро отсчитал восемь румяных шэнцзяней, а Гу Танцзинь щедрой рукой налил ей фруктового напитка, плеснув даже чуть выше краев.

Дяо Цююнь аккуратно выложила на прилавок двадцать четыре вэня.

— Дорога сегодня скользкая, Цююнь, ты ступай осторожнее, береги себя, — напутствовал девочку Цзи Жунся, которому эта скромная и вежливая соседка была очень симпатична.

— Хорошо, спасибо вам, — послушно отозвалась она, раскрыла свой зонтик и не спеша двинулась в обратный путь.

— Эх, если подумать, Дяо Далана уже целый год дома не было, — задумчиво протянул Лю Далан. — Ой, мне два шэнцзяня и четыре черпака напитка.

Пока Цзи Жунся упаковывал заказ, народу у прилавка было еще немного, и он решил перекинуться с парнем парой слов:

— Я слышал от Танцзиня, что Дяо Далан в этот раз прибился к большому торговому каравану и отправился на северную границу?

Это ж какая даль несусветная! Цзи Жунся даже представить себе не мог, каково это — пускаться в такой долгий и опасный путь. Ему самому было и немного боязно, и в то же время безумно любопытно. Он ведь за всю свою жизнь даже в столице префектуры ни разу не был!

Лю Далан со вздохом закивал:

— Да, туда отправился. Не известно, успеет ли он вернуться к зимним холодам в этом году.

— Ничего, как только он вернется, наверняка привезет с собой кучу редких диковин. Я тогда обязательно тебя с собой возьму, сходим поглядеть, — мягко вклинился в разговор Гу Танцзинь, глядя на мужа.

— Я это запомню! — Цзи Жунся с улыбкой обернулся к мужу.

Гу Танцзинь согласно склонил голову.

У Лю Далана от этой картины перед глазами аж зубы заныли от приторной нежности:

— Ну… Вы тут занимайтесь делом, а я, пожалуй, пойду.

Бросив эту фразу, он подхватил свою миску, сгреб шэнцзяни, высыпал на прилавок горсть

монет и припустил прочь так, что только пятки засверкали.

— Плесните мне три черпака фруктового напитка, — Чай фулан подошел к прилавку и бочком-бочком попытался выставить свою посудину из корзины так, чтобы Цзи Жунся не заметил припрятанный в углу сверток от семьи Лян.

Да только Цзи Жунся вовсе не был слепым. Эти вороватые, трусливые движения и попытки прикрыть корзину рукой так явно кричали о нечистой совести, что не догадаться о подоплеке было просто невозможно. Раньше он, может, и проглядел бы, но теперь-то сразу смекнул, в чем тут дело!

Гу Танцзинь спокойно принял миску и отсчитал ровно три черпака.

Чай фулан при этом не сводил с его рук напряженного, ревнивого взгляда — все высматривал, как бы тот не обделил его хоть на каплю.

— Танцзинь, у нас ведь тот сахар для фруктового напитка уже почти на донышке остался, верно? — громко, с легким намеком в голосе спросил Цзи Жунся.

Этот чудесный фруктовый сахар достался ему от системы как извинение за то, что ему пришлось терпеть невыносимый шум в ушах, и теперь делиться им с неблагодарными людьми у него не было ни малейшего желания! Даже если это приносило неплохой доход — к черту! Душа не лежит, и точка.

Гу Танцзинь мгновенно поймал мысль мужа и подыграл ему:

— Да, запасов совсем мало. Буквально на пару дней еще хватит, и на этом все.

Раз уж эта диковина принадлежала Ся-гэру, и тот больше не желал пускать ее в оборот — значит, так тому и быть. Они и без того первое время торговали им почти себе в убыток, лишь бы завлечь народ к новому лотку. Теперь их торговля крепко встала на ноги, шэнцзяни расходятся на ура, так что держаться за этот напиток не имело никакого смысла.

— Как это — закончился?! А чего ж вы новый заранее не привезли? Вы же торговлю ведете, как можно быть такими недальновидными и нерасчетливыми хозяевами! — услышав, что фруктовые напитки больше не будут продаваться, Чай фулан тут же забеспокоился.

Его домашние уже привыкли каждое утро лакомиться этим кисло-сладким прохладным напитком, который так спасал от полуденного зноя, к тому же стоил этот напиток всего один вэнь! И с какой стати они вдруг решили закрыть лавочку?

— Ой, дядюшка, ну что за упреки? Этот редкий сахар Танцзинь привез из самой столицы префектуры! Мы этот напиток затеяли только ради того, чтобы я, как новичок, мог освоиться у прилавка, да чтобы соседям по переулку сделать приятное и дать немного выгоды. Теперь припасы вышли, так с чего нам продолжать? — Цзи Жунся говорил с неизменной, вежливой улыбкой на лице, но каждое его слово было настолько весомым и логичным, что возразить было просто нечего. — К тому же этот напиток и так не приносит никакой прибыли. А ехать ради него в такую даль, тратить серебро на дорогу в префектуру ради невыгодного дела — вы должно быть шутите, дядюшка.

Надо же, оказывается, этот напиток делали на сахаре из самой столицы префектуры! То-то он был таким невообразимо вкусным.

Чай фулан от мысли, что лакомству пришел конец, расстроился так сильно, будто Цзи Жунся залез к нему в карман и утащил личные сбережения.

— Раз так… тогда налейте мне сегодня сразу пять черпаков! — торопливо выкрикнул он. Надо было брать, пока дают, да побольше.

— Эй, эй, эй, разве ты не видишь, сколько людей стоит за тобой в очереди? Разошелся тут, один весь чан решил прибрать?! — стоявшая позади тетушка, услышав, что напиток на исходе, и без того едва сдерживала недовольство, а уж завидев такую жадность, и вовсе не выдержала.

— Я за свои собственные, деньги товар беру, вам-то какое дело до моих денег?! — Чай фулан обернулся и презрительно закатил глаза.

Но стоило ему открыть рот, как в очереди поднялся глухой ропот — люди начали волноваться, что им не достанется.

— Давайте договоримся так: сегодня дня отпускаем не больше четырех черпаков в одни руки. Нехорошо будет, если люди зря простояли под дождем, — мягко, но непреклонно объявил Гу Танцзинь и спокойно опустил черпак обратно в чан, так и не долив Чай фулану лишнего.

— Вы!.. — Чай фулан внезапно замер, и в его голове шевельнулась нехорошая мысль. Неужто этот хромой сюцай и его глухой фулан прознали про шэнцзяни от старухи Лян и теперь нарочно издеваются над ним?!

Как можно быть такими мелочными! Хромой да глухой — пара сапог на одну ногу, только и умеют, что честных людей притеснять!

— Ой, да если брать не собираешься, проваливай и не загораживай дорогу! — стоявшая следом дородная тетка, не на шутку разозлившись от его копания, бесцеремонно пихнула того своим широким бедром, вытесняя его из-под навеса.

Все бранные слова, что Чай фулан приготовил для хозяев, так и застряли у него в горле. Он дернулся было пробиться обратно, но плотная очередь хмурых покупателей сомкнулась перед самым его носом. Делать было нечего — подхватив свою миску с корзиной, он побрел прочь под дождь.

Цзи Жунся лишь приподнял бровь и продолжил накладывать шэнцзяни остальным покупателям.

Тем временем у самого въезда в переулок Уцюй старуха Лян уже успела продать десяток своих шэнцзяней, что придало ей уверенности. Завидев издали фигуру Линь Дуншаня, она заорала во всю глотку, стараясь перекричать шум дождя.

Этого парня она приметила давно — парень работящий, деньгами не зажимается и каждое утро оставляет у этого хромого приличную горсть меди. Если удастся переманить такого знатного едока к своему прилавку, их семейный кошель будет ежедневно пополняться на несколько лишних вэней!

— Кому шэнцзяни по одному вэню за штуку, по одному вэню! Ароматные, мясные, с пылу с жару!

Линь Дуншань, втянув голову в плечи от сырости, размашистым шагом мерил дорогу. Сегодня из-за прохлады он умудрился проспать лишнего и теперь несся со всех ног, до смерти боясь,

что его любимые шэнцзяни и сладкий напиток расхватают до его прихода. Услышав истошный крик старухи Лян, он на секунду притормозил и глубоко вдохнул.

Фу, запах совершенно неприятный!

Линь Дуншань припустил еще быстрее, пулей пролетая мимо.

Старуха Лян только и успела заметить, как парень с быстротой молнии скрылся в глубине переулка.

—

http://bllate.org/book/17885/1726918